

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski w Katowicach

 <http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Мендел Турок С. Ан-ского. Объекты-участники коммуникативных взаимодействий в изображении автора

MEDEL TUREK SZ. AN-SKIEGO.

PRZEDMIOTY-UCZESTNICY INTERAKCJI KOMUNIKACYJNYCH W UJĘCIU AUTORA

Streszczenie: Materiał opowiadania (1902) posłużył do określenia funkcji, jakie w kontekście interakcji komunikacyjnej pełnią obiekty takie jak pokój, drzwi, stół, gazeta czy regały z książkami. Przedmioty podzielono na wyznaczające miejsce, służące jako narzędzie, reprezentujące i charakteryzujące postacie, a także te, które nie tylko towarzyszą bieżącemu kontaktowi, ale stanowią jego aktywny element (np. szklanka herbaty, gazeta czy książki jako przedmioty dyskusji). W zależności od sytuacji obiekty te pełnią m.in. funkcję ekspozycyjną (przy wprowadzeniu bohatera), wyróżniającą (charakteryzującą wygląd, ubiór, gesty, zachowanie czy pozycję społeczną) oraz skupiającą (przyciągającą i koncentrującą na sobie uwagę). W konkluzji ukazano, w jaki sposób obiekty materialne świata zewnętrznego, wprowadzane w trakcie rozmów i sporów, wyrażają stosunek pisarza do kreowanych bohaterów oraz służą ich charakteryzacji.

Słowa kluczowe: komunikacja, interakcja, kontakt interpersonalny, funkcje wizerunku literackiego, postacie

MEDEL THE TURK BY S. AN-SKY.

OBJECTS-PARTICIPANTS OF COMMUNICATIVE INTERACTIONS IN THE AUTHOR'S REPRESENTATION

Summary: The material of the story (1902) served to determine the communicative functions of objects such as a room, doors, a table, a newspaper, and bookshelves. Objects are divided into those designating a place, serving as a means, representing and characterizing the characters, as well as those that accompany ongoing interaction (such as a glass of tea, a newspaper, or books as topics of discussion). Depending on the context, these objects perform various functions, including expositive (introducing the protagonist), distinctive (highlighting appearance, clothing, gestures, behavior, and social position), and attention-attracting (concentrating focus on themselves). The conclusion demonstrates how physical objects displayed during a discussion or argument convey the author's portrayal of and attitude toward his characters.

Keywords: communication, interaction, intersubjective contact, artistic image functions, characters

Предмет рассмотрения в настоящей работе связывается с определением того, каким образом себя проявляют объекты, встречающиеся в повествовании, в условиях коммуникативного взаимодействия¹ персонажей. Речь пойдет об их

¹ Проблемы коммуникативного взаимодействия, а также коммуникативного поведения, если шире (но не в художественных текстах), начиная с середины XX века, стали предметом обширного изучения в разных науках, в психологии, социологии, лингвистике в том числе. Литература не только огромна, но и многоаспектна. Затрагиваются вопросы как межсубъектных, так и межкультурных контактов. Существенное значение придается проблематике построений моделей и моделирования, усматривая в этом необходимое средство для определения различных сторон и особенностей исследуемого объекта. Немаловажно при этом то, что «Коммуникативное поведение той или иной лингвокультурной общности должно быть описано целостно, комплексно, как система. Для этого должна быть разработана модель описания [...] включающая совокупность факторов и параметров, отражающих коммуникативное поведение любого народа. Такая модель должна включать вербальное, невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм» (И.А. Стернин, *Модели описания коммуникативного поведения*, «Гарант», Воронеж 2000, с. 9). Следует из этого необходимость обобщенно-универсального представления, на базе которого далее можно получать, в тех же факторах и параметрах, модели, характерные для отдельных коммуникативных групп. При множественности и многосторонности в литературе вопроса мы не находим то, что составляет предмет интереса в предлагаемой нами работе. Для лучшего представления проблематики, но не предмета нашего рассмотрения, приведем лишь некоторые источники, сгруппировав их тематически (работы специального и узкого направления, которых немало, в перечень не включены).

Общие вопросы: F.E.X. Dance, *The "Concept" of Communication*, «Journal of Communication» 1970, vol. 20, № 2, pp. 201–248; Т.А. ван Дейк, В. Кинч, *Макростратегии. Язык. Познание. Коммуникация*, пер. с англ., сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова, Прогресс, Москва 1989; В.Б. Кашкин, *Введение в теорию коммуникации*, Изд-во ВГТУ, Воронеж 2000; И.А. Стернин, *Модели описания... ; Г.Г. Почепцов, Теория и практика коммуникации*, Рефл-бук-Ваклер, Москва 2001; В.В. Красных, *Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций*, Гнозис, Москва 2001; М.А. Василик, *Основы теории коммуникации*, Гардарика, Москва 2003; И.П. Яковлев, *Ключи к общению. Основы теории коммуникаций*, «Авалон», «Азбука-классика», Санкт-Петербург 2006; А.А. Шунейко, И.А. Авдеев, *Механизмы коммуникативного воздействия*, «КНАГТУ», Комсомольск-на-Амуре 2008; Е.В. Сидоров, *Речевая коммуникация: фундаментальные необходимости*, Изд-во РГСУ, Москва 2009; А.В. Назарчук, *Теория коммуникации в современной философии*, Прогресс-Традиция, Москва 2009; Ф.И. Шарков, *Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник*, «Дашков и К°», Москва 2010; Е.В. Сидоров, *Социальная коммуникация*, Изд-во РГСУ, Москва 2011; Д.П. Гавра, *Основы теории коммуникации*, Питер, Санкт-Петербург 2011; Ф.И. Шарков, *Коммуникология: основы теории коммуникации*, «Дашков и К°», Москва 2012; И.И. Докучаев, *Основы теории коммуникации*, «КНАГТУ», Комсомольск-на-Амуре 2013; Н.И. Формановская, *Речевое общение и коммуникативное взаимодействие*, «Русская речь» 2014, № 4, с. 55–58; Е.К. Нурланбекова, С.Н. Сеидомарова, *Коммуникативный процесс и функции языка*, «Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований» 2015, № 2, с. 307–311; М.Ю. Коноваленко, В.А. Коноваленко, *Теория коммуникации*, Юрайт, Москва 2016; И.В. Шалина, *Современная коммуникативистика. Практикум*, Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург 2016; П.В. Сякуров, *Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры*, «Вестник университета» 2016, т. 1, № 10, с. 261–266; М.А. Елинсон, В.А. Шарипова, О.С. Исакова, *Процесс коммуникации в сфере коммуникативного взаимодействия*, «Вестник Башкирского университета» 2018, т. 23, № 3, с. 877–882; Л.Н. Подладчикова, Д.Г. Шапошников, *Коммуникативные взаимодействия: аналитический обзор*, «Экспериментальная психология» 2022, т. 15, № 1, с. 177–186; *Коммуникативные процессы и практики*, авт.-сост. В.Е. Лапшин, Н.В. Шаманин, Изд-во ВлГУ, Владимир 2023.

Моделирование: М.Ю. Олешков, *Моделирование коммуникативного процесса*, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил 2006; Л.Р. Тухватулина, *Принципы классификации моделей коммуникации*, «Вестник ТГПУ» 2006, вып. 7 (58), серия: Гуманитарные науки, с. 49–53; В.Ф. Кузнецов, *Понятия и модели коммуникаций: теоретический аспект*,

функциональной нагрузке, которую можно представить как косвенную и окрашивающую. При посредстве объектов отображаемой обстановки автор выражает то, что может, с одной стороны, оживлять, способствуя образному восприятию описываемой действительности, а с другой, позволяет представить героя, охарактеризовать его, передать к нему свое отношение, которое не утверждающим и не однозначным образом будет воздействовать на читателя. Одним из средств такого не прямого, поскольку образного, воздействия и выступают появляющиеся в повествовании предметы, места и роли которых различны, равно как и они сами.

Поставленная задача решалась на материале рассказа С. Ан-ского², главный герой которого (имя и прозвище,

«Коммуникология» 2014, с. 39–45; Б.А. Шуклина, *Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики*, «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» 2016, с. 7–24; В.Н. Долженков, *Характерные черты и особенности интерактивной модели коммуникации*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», Грамота, Тамбов 2018, № 3(81), ч. 2, с. 307–309; Т.Л. Александрова, *Моделирование как метод исследования коммуникативной деятельности человека*, Электронная библиотека БГУ, <https://elib.bsu.by> [дата обращения: 12.04.2025].

Психология: М.С. Каган, *Мир общения. Проблема межсубъектных отношений*, Политиздат, Москва 1988; П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон, *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*, пер. с англ. А. Суворовой, Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, Москва 2000; A.L. Sillars, A.L. Vangelisti, *Communication: Basic properties and their relevance to relationship research*, in: *The Cambridge Handbook of Personal Relationships*, eds. A. L. Vangelisti, D. Perlman, Cambridge University Press, New York 2006, pp. 331–351; И.Н. Тупицына, *Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение*, Изд-во РГСУ, Москва 2007; О.А. Гулевич, *Психология коммуникации. Учебное пособие*, НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, Москва 2008; В.В. Латынов, *Принципы психологического исследования коммуникативного воздействия*, «Вестник университета» 2013, № 10, с. 245–251; J.T. Wood, *Interpersonal Communication: Everyday Encounters*, Cengage Learning 2016; А.В. Корнеева, *Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание как механизмы межкультурного взаимодействия*, «Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2017, т. 15, № 4, с. 78–86; Л.В. Бура, *Психология коммуникативного воздействия и коммуникативного реагирования как составляющих межличностного общения*, «Проблемы современного педагогического образования» 2020, с. 400–402; К.Г. Головинова, Л.Ф. Артеменкова, *Понятие и сущность коммуникативного взаимодействия в психолого-педагогической литературе*, <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030543> [дата обращения: 12.04.2025]; Т.Б. Заграевская, А.Р. Кусов, С.М. Заграевская, *Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах*, «Казанский лингвистический журнал» 2023, № 6(2), с. 236–245.

Социология: Дж. Хоманс, *Социальное поведение как обмен* // Дж. Хоманс, *Современная зарубежная социальная психология*, Изд-во Московского университета, Москва 1984, с. 82–91; В.П. Терин, *Массовая коммуникация (исследование опыта Запада)*, Изд-во Института социологии РАН, Москва 1999; С.В. Бориснёв, *Социология коммуникации: Учебное пособие для вузов*, ЮНИТИ-ДАНА, Москва 2003; М.Н. Грачев, *Политическая коммуникация: Теоретические концепции, модели, векторы развития*, Прометей, Москва 2004; А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, *Социальные коммуникации: Учебное пособие*, Гардарики, Москва 2008.

² Ан-ский, Семён Акимович (?–?х .х. С. Ан-ский, Шлоймэ-Занвл Рапопорт; октябрь 1863, Чашники, Лепельский уезд, Витебская губерния — ноябрь 1920, Варшава или Отвоцк) — русско-еврейский писатель, поэт, драматург, публицист, этнограф, революционер, общественный и политический деятель (https://ru.wikipedia.org/wiki/Ан-ский,_Семён_Акимович, [дата обращения:

вынесенные в заглавие) — увлеченный событиями русско-турецкой войны 1877 года молодой человек, меламед «в В., одном из захолустных белорусских городов»³. Любопытен в еврейском контексте как необычный образ⁴ героя (о чем еще будет речь), так и его увлечение, не слишком увязывающееся с тем, что можно было бы ожидать. Вместе с тем, как оказывается в ходе повествования, его увлечение связано напрямую

12.04.2025]). Имеющаяся литература о писателе — справочно-энциклопедического и биографического характера, специальных исследований его творчества, помимо общих ознакомительных замечаний и сведений, в ней не находим. Приведем для представления ряд источников: А.Е. Локшин, *Ан-ский Семён Акимович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь*, гл. ред. П.А. Николаев, Советская энциклопедия, Москва 1989, т. 1, А–Г, с. 90–91; В. Лукин, *От нава родничества к народу (С.А. Ан-ский — этнограф восточно-европейского еврейства) // Евреи в России. История и культура. Сборник научных трудов*, отв. ред. Д.А. Эльяшевич, Петербургский еврейский университет, Санкт-Петербург 1995, с. 125; А. Канцеликас, *Писатель, революционер, этнограф*, «Еврейское слово» 2003, № 43(166); И. Сергеева, *Хожение в еврейский народ: Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах*, «Ab Imperio» 2003, № 4, с. 395–428; И. Сергеева, *Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах*, «Східний світ» 2003, № 3; G. Safran, S.J. Zipperstein, *The Worlds of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century*, Stanford University Press, Stanford 2006; И.А. Сергеева, *Архивное наследие Семена Ан-ского в фондах Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского*, Дух і літера, Київ 2006; И. Сергеева, *Семен Ан-ский: исследование жизни и творчества*, Интернет-журнал «Клемер виг / Клемерская колыбель», Архивировано 1 сентября 2011 года; М. Аграновская, *Семен Акимович Ан-ский: жизнь меж двух миров*, https://www.maranat.de/agr_06_den_05.html [дата обращения: 12.04.2025]; В. Дымшиц, С.А. Ан-ский и В.Я. Пропп, *или что «еврейского» в еврейской сказке?*, 19 августа 2011 года, <http://judaica.spb.ru> [дата обращения: 12.04.2025]; И. Сергеева, *Наследие Семена Акимовича Ан-ского в библиотеках, архивах и музеях Украины*, «Музей. Традиции. Этничность» 2013, № 2(4), с. 101–111; И.А. Сергеева, *Документальное наследие Семена Ан-ского в архивах и библиотеках России: историко-архивоведческий обзор*, «Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития» 2013, вып. 11, с. 263–282; В.А. Дымшиц, *Возвращение блуждающей души*, «Народ Книги в мире книг», октябрь 2013, № 106, http://narodnigi.ru/journals/106/vozvrashchenie_bluzhdadayushchey_dushi/ [дата обращения: 12.04.2025]; Г. Сафран, *Неприкаянная душа. Семен Ан-ский: русский революционер, еврейский этнограф, автор «Дибук»*, пер. с англ. А. Глебовской, Симпозиум, Санкт-Петербург 2020.

³ <https://www.lechaim.ru/ARHIV/136/turok.htm> [дата обращения: 26.03.2025], книжки «Восхода», декабрь 1902. Текст рассказа можно найти также на других сайтах, в том числе в прежней орфографии с изд. С.А. Ан-ский, *Рассказы*, т. I, Типография Н.Н. Клобукова, С.-Петербург 1905, http://az.lib.ru/a/anskij_s_a/text_1892_mendel_turok-oldorfo.shtml [дата обращения: 26.03.2025].

⁴ Ср. такое несколько тенденциозное и потому однобокое-неглубокое определение типа писателя и героя разбираемого рассказа: «Многочисленные и весьма разнообразные типы А. относятся к наиболее цельным и художественно выполненным в русско-еврейской литературе. В рассказе «Мендель Турок» А. выясняется, как этот обособленный и самодовольный старозавтный мир реагирует на внешние события, на обступающий его со всех сторон «чужой» мир; это люди «не от мира сего»; они наивны, как дѣти; как дѣти, они считают себя центром вселенной; отгородив себя от всего мира, забытые и затерянные, они увѣрены, что все на свѣтѣ совершается исключительно для них и изъ-за них. Но бурный поток времени пробил брешь и въ этом обособленном мирѣ» (С. Цинберг, *Ан-ский (Раппопорт, Семен Акимович) // Еврейская Энциклопедия. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ*, подъ общей редакціей д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга, т. второй, Алмогады — Арабскій языкъ, Изд. Общества для Научныхъ Еврейскихъ Изданій и Издательства Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ 1908, стлб. 618).

с такими же увлечениями и кровной заинтересованностью всей еврейской среды.

Вопрос, который в этом случае неизбежен, — почему и что так действует на сознание, а также контактные взаимодействия внутри общины, что побуждает в ней горячие споры и толки по поводу предмета, ничего, казалось бы не имеющего общего с тем, что ее окружает, чем она дышит и чем живет. Можно и стоит ли это воспринимать как особенности еврейского, общинного по тогдашней природе своей (конец XIX столетия), характера, при котором что-то, с одной стороны, раздувается до не соответствующих ему размеров, а с другой, вызывает совместный, охватывающий всех, интерес. Или же относить это к характеризующему всех людей, независимо от их происхождения, любопытству, при котором нечто может в определенных случаях выступать, также массовым иногда, замещением того, что действительно важно и что по-настоящему требовало бы внимания, а поскольку на это действительно важный человек, как правило, повлиять не способен, то и происходит в итоге переключение на что-то другое. Ответ на этот вопрос можно найти в рассказе С. Ан-ского. Однако оставим такое его завершение, к которому следует подойти.

Изображаемая картина с представлением главного персонажа открывается необычным образом. Внимание будем обращать на участвующие в ней и далее объекты, или предметности, выделив их курсивом: «Однажды, вернувшись в полдень с урока домой, я остановился озадаченный у *дверей моей комнаты*. Какой-то молодой человек, *без сюртука, в ермолке*, всунувшись наполовину *со двора через окно* ко мне *в комнату*, лежал, облокотившись *на стол*, и внимательно читал мою *газету*». Перед нами явление: появляются «я», т.е. повествователь, и главный герой. Первый — (озадаченный) у дверей своей комнаты, второй — в передаваемом объектами положении. *Двери комнаты*, открывая явление и представляя того, кто «я», выполняют в данном случае экспозитивную функцию, — *двери*, собственно говоря, то, что *комнаты* будет определением к ним.

Характеристика персонажа в объектах представляется следующим образом: сюртук и ермолка должны его как еврея определять — оформляющая дефинитивная функция, то же, что *без сюртука*, но *в ермолке*, показывает его в не обязывающем, скажем так, положении в данный, описываемый, момент. Будет это контекстуально-репрезентативная функция. *Окно*, через которое всунувшись *со двора в комнату*, объявляет себя герой, и, соответственно, *двор* и *комната*, добавляя к этому

стол, в своей совместности, содержат представление персонажа, которое можно определить в отношении репрезентативно-позиционирующей функции, дополняемой характеристикой, — каков он с точки зрения своего непосредственного, не стесняющегося в каких-то условиях, проявления, — дефинитивно-характеризующая (дистинктивная) функция. Поскольку в таком, при посредстве объектов, положении герой застается на месте, позиционирующая их функция будет себя объявлять как статическая (возможна динамизация – смена первоначального положения, также обозначаемая при посредстве объектов). Необходимо, однако, добавить, что все это, до коммуникативного взаимодействия, не представляясь участвующим в разговоре, следует определять в экспонирующем, предшествующем и представляющем межсубъектный контакт, отношении.

Позиционирование героя в объектах можно также и различить, исходя из той роли, которую в описании отыгрывает каждый из них. Отмечен порядок, говорится, что *всунувшись со двора — через окно — в комнату — лежал, облокотившись на стол* (*газета* стоит отдельно, концентрируя на себе все предыдущее). Немаловажны при этом предлоги: *двор* (*со двора*) представляет тот внешне расположенный локус, появившись откуда, оказался внутри персонаж, *окно*, соответственно (*через окно*), рамочный и открытый объект, предполагающий возможность прохождения сквозь него, с тем чтобы оказаться внутри либо снаружи, *комната* (*в комнату*) — внутренний ограниченный локус, место внутри-пребывания и проживания в нем.

Эти общие представления, определяя то, что изображено, актуализируют себя в отношениях аппарата двора (то, откуда появляется персонаж, наблюдаясь), трансмиссива окна (пропускающего объекта), интроитива для комнаты (предполагающего входение внутрь), инпозитива стола (представляющего плоскость размещения сверху, лежания, облокотившись). И все это по направлению к газете, объекту внимания и интереса — фокусирующая, вбирающая в себя, концентрирующая на себе, аттенциональная функция. Фокусирующая — с точки зрения перечисленных объектов предшества, аттенциональная — с точки зрения устремленного к ней персонажа.

Описанную картину можно увидеть графически: остановившийся в дверях своей комнаты озадаченный наблюдатель и то, что он видит в последовательности, также застывших и предвещающих, оформляемых предложениями, проявлений, *со двора — через окно — в комнату — на стол — к газете*.

Контактирующее, но не пересекающееся, дистанционное, вертикали у наблюдателя и горизонтали у вторгнувшегося, не коммуникативное на этом этапе, взаимодействие двух субъектов коммуникативному будет предшествовать. Однако не сразу, меняется перед этим позиция «гостя», еще более дистанцируясь и из горизонтали переходя в вертикаль: «Не успел я еще сообразить, в чем дело, как мой неожиданный «гость» встrepенулся и тревожно поднял голову. Увидев меня, он вздрогнул, мигом *выскочил из окна* — и остался на одном месте, сильно смутившись и покраснев».

Интересовать нас будет, исходя из задачи, как уже отмечалось, смена позиции, отмеченная курсивом. Поскольку *выскочил из окна*, то оказался за пределами комнаты, во дворе, а тем самым, не на столе и вне газеты. *Окно* в этом случае будет отыгрывать позиционирующую динамическую, а поскольку сменяемую, то пермутативную роль. Представляет все это, с точки зрения описания, то, что, увидев хозяина комнаты, бесцеремонно вторгнувшийся внутрь персонаж спохватился, обеспокоился (*встrepенулся и тревожно поднял голову*), нервно отреагировал (*вздрогнул, мигом выскочил*), смешался (*сильно смутившись и покраснев*), почувствовал себя неловко и застыдился.

Окно и не называемый двор — выскочил и остался на месте, — дают возможность представить героя: увлекшись газетой и поддавшись стремлению к ней, он нарушил границу приличного и дозволенного, что, однако, вовсе не чуждо его воспитанию и характеру. Появление хозяина возвращают его к действительности в ее коммуникативно и контактно приличествующих условностях. Отсюда его реакция смущения, обеспокоенности и неловкости, которые, помимо авторских слов объяснения, выражают себя динамически в смене позиции при отмеченных нами объектах — к вертикали двора за пределом окна из горизонтали лежания на столе и дистанцированию от пришедшего к себе в дом хозяина за пределами его комнаты и отодвинувшись от объекта своего интереса, также в принадлежащей ему, газете.

Сложившееся положение следует объяснить, что и делается, не то, чтобы преувеличенно, но подчеркнуто и интенсивно: «— Ах!.. и-извините! — забормотал он по-еврейски с виноватой неловкой улыбкой. — Сто раз прошу вас — извините!.. Я здесь у вас, Б-же сохрани, ничего не трогал... Прошел мимо, заметил газету, «схватил» издали «слово»... я и подошел... *Окно было открыто...*».

Опустим коммуникативные формулы извинения, поскольку не это предмет, обратив внимание на газету с окном, с тем чтобы определить их функцию в данном месте, подключив к условиям межсубъектного взаимодействия. Газета привлекает внимание своим содержанием, «словом», выступая первоначально в роли не просто увиденного, но выделенного, отмеченного (*заметил*) объекта на фоне всего остального (визуально-инсигнативная функция), после чего проявляет отмеченную и перед этим функцию аттенционально-контентную (обе не коммуникативны). Окно, поскольку было открыто, дало возможность проникнуть, «всунувшись наполовину со двора», — POSSIBILITATIVNO-INGESTIVNAYA функция.

Все это определяет объекты в их роли, предшествующей контакту между субъектами, объясняя сложившееся положение, в отношении которого коммуникативное взаимодействие становится следствием. Не будь газеты с окном, не произошло бы всего дальнейшего. Собственно контактно-коммуникативная роль газеты объявляет себя в непосредственно следующем предложении — «Я поспешил его успокоить и предложил ему газету». С одной стороны, поспешил успокоить, а с другой, предложил газету, которая в данном месте становится средством высказываемого благорасположения, реализуясь при этом в роли предмета, который в знак этого предлагают (беневолентно-пропозитивный объект).

Далее та же газета выступает еще в одной роли — источника сведений (сциенциальный объект). Повествующий интересуется, что привлекло в газете такое внимание у собеседника: «— О чем, собственно, читали вы? — полюбопытствовал я», получая в ответ переспрос с объяснением: «— О чем читал я? Известно о чем! О чем теперь можно читать в газете? О чем теперь пишут в газете? О политике, конечно...».

Ответ передает, через речь, манеру реагировать на задаваемый вопрос вопросами и повторениями, не только то, что было типично в еврейской среде, но и последовательно подводящее к смыслу сужение сообщаемого при посредстве четырежды повторяемого *О*, оформляемого также вопросно и анафорически — *О чем читал...*, *О чем теперь можно читать...*, *О чем теперь пишут (в газете)?* О политике...

В составе подобного представления газета становится не только источником сведений, того, о чем пишут, а с этим и направляемого на нее интереса (сциенциальная и аттенционально-контентная функции), но и, на сей раз, воображаемым, поскольку не предметным, объектом, однако не передаваемого

отношения к собеседнику, как можно подумать (его, согласно той же еврейской манере, хотя на его вопрос отвечают, как бы и нет), а того, что можно видеть проекцией «я» – своего отношения к тому, что «я» окружает в людском проявлении, что типично для мира людей и с чем приходится сталкиваться. Не следует понимать под этим напрашивающееся раздражение, но, скорее, нетерпеливость, за которой стоит представление о том, что на каждом шагу приходится объяснять такие само собой разумеющиеся и понятные вещи. Функцию газеты в подобном контексте можно определить в отношении субъектного социум-релятива — самовыражения в приложении к социальному окружению (в условиях коммуникативного взаимодействия).

Далее следует еще одна «ролевая» комната, как то, куда приглашают (локус инвокатива) — «Мой случайный собеседник начал интересоваться меня, и я пригласил его зайти в *комнату*». Появляется также еще один локативный объект: «— Зашел бы с бо-ольшим удовольствием, но теперь не время, — ответил он. — Пора в *хедер*: дети сейчас придут с обеда...». Хедер в этом случае выступает не тем локусом, где производится обучение, а тем, куда собеседник уходит, должен уйти, прерывая, тем самым, общение. С точки зрения коммуникативного взаимодействия хедер и комната — противопоставленные объекты. Комната предполагает необходимое для более тесного и обстоятельного знакомства и разговора приближение (контактно-акцессивная функция), а не дистантное взаимодействие в позиции со двора в окно. Хедер, в свою очередь, отмечает удаление собеседника, обрывающее контакт (контактно-интерруптивная функция).

Беседа, однако, на этом не завершается. Соглашаясь зайти («— Вот вечером, если вы не заняты, если б к вам можно было... с бо-ольшим удовольствием зашел бы к вам!») и объясняя это тем, что «Могу вам признаться: мне уж давно хотелось поговорить с таким человеком, как вы...», неожиданный гость высказывает свой действительный к нему интерес — «Скажите: вы каждый день, ка-аждый день читаете 'лист'? — закончил он неожиданным вопросом». Под «листом» имеется в виду все та же газета, функция которой определяется в отношении повода прийти, согласившись на приглашение, и «поговорить с таким человеком». «Такой человек» интересует, тем самым, не сам по себе, а как тот, кто читает «лист» и сможет по этой причине дать соответствующие в отношении его содержания пояснения, ввести в курс дела и, ответив на вопросы,

прокомментировать важное для того, кто интересуется, выступив в роли интерпретатора того, что в «листе». Роль газеты в данном случае будет сводиться к тому, чтобы дать повод прийти, стать мотивом контакта — каузально-акцессивная и каузально-контактная функции.

Есть и другая газета — та, которую не только читают, но и с трудом достают: «— вы как же читаете? — полюбопытствовал я. Он презрительно пожал плечами. — Читаю! Тоже чтение! Ловлю с ветра, а не читаю!.. Раз в две недели удается с трудом достать лист 'А- вонен'. Ну, а кроме этого — ловишь с ветра... Тут слово услышишь, там слово схватишь, на базаре 'телеграмму' прочтешь...». Появляется еще один объект — «телеграмма» с последними новостями, которую вывешивают на базаре (уже бывшая сциенциальная функция). Коммуникативная роль той газеты, которая «А-левонен», будет сводиться к объяснению недостаточной осведомленности говорящего в том, что его интересует (поскольку раз в две недели удается достать, то сведения в ней устаревшие), а тем самым, и необходимости прихода с тем, чтобы поговорить, — те же каузально-акцессивная и каузально-контактная функции.

Вновь появляется хедер, на сей раз в другой своей роли: «Часов в 9 вечера, по-видимому прямо из хедера, явился ко мне мой сосед. Теперь на нем был длинный черный сюртук и бархатный картуз. — Добрый вечер! — приветствовал он меня солидно, не снимая картуза и не подавая руки, и остановился посреди комнаты».

Помимо хедера, выступающего в функции местообъекта, откуда приходят (акцессив), внимания заслуживают, но опять же только в контексте коммуникативного взаимодействия, сюртук и картуз, которого «мой сосед» не снимает (сюртук, разумеется, также). Появляется и комната — остановился в ней посреди.

Для того чтобы произошел непосредственный живой разговор между двумя собеседниками, необходимо одновременное присутствие обоих в одном и том же месте пространства. Если один из них в этом месте уже находится (ситуация повествования), то другой, если там отсутствует, должен прийти. Хедер в этом контексте обозначает не только позицию выдвижения с приближением к месту контакта и вхождения в него, но и, согласно тому, что представлено, время, когда это произошло (проективно-темпоральная обозначенность), которое, совпадая, должно соответствовать намеченному контакту.

Роли сюртука и картуза, согласуясь в одной своей части, выглядят несколько расходящимися в другой. То, что на

появившемся был на сей раз длинный черный сюртук и бархатный картуз, в то время как в полдень в окне на нем ни того, ни другого не было (без сюртука, в ермолке), помимо проявления персонажа с учетом свободной либо, напротив, обязывающей обстановки, в отношении коммуникативного взаимодействия, ибо об этом речь, отмечает его отношение к разговору, как к тому, чему придается не только подчеркнуто значимый вид и характер, но и то, каким воспринимается собеседник. Как лицо не близкое, контакт с которым будет не полным, тематически ограниченным и отстраненным (об официальности в данном случае не следует говорить). И это была бы первая, общая, функциональная часть для картуза и сюртука, которую можно представить, в отношении значимости и отстраненности (разговор и собеседника с точки зрения контакта можно объединить), как сигнификативно-алиенативную. Важно при этом то, что сюртук был длинный и черный, а картуз бархатный, т.е. парадные и выходные. Вторая часть затрагивает картуз, который, не снимаясь, становится в ряд с не подаванием руки, а также, отчасти, солидным приветствием и тем, что «остановился посреди *комнаты*». Картуз не снимается по двум причинам — еврею не положено снимать головного убора, также и в помещении, но мог бы остаться в ермолке, а тогда, и это вторая причина, «не снимая картуза и не подавая руки, и остановился посреди комнаты» означает единое — не близкое отношение к собеседнику, исключение его из привычного круга своих (экспликативно-нонпроприативная функция). Месторасположение в комнате (посреди), не комната сама по себе, будет отыгрывать ту же роль.

Коммуникативное взаимодействие, при посредстве объектов, как можно заметить из текста всего рассказа, складывается из отношения друг к другу участников, скрытого или явного, из демонстрации одним, не одним или каждым своей позиции в диалоге, а также своего «я», из оценивающего и/или характеризующего восприятия окружающей обстановки, объявляемого либо не объявляемого, но наблюдаемого, из высказываний по тому или иному поводу, не применительно к теме и содержанию, а к тому, что из этого следует в отношении контакта, собеседника (собеседников) и разговора, из дополняющих характеристик, себя проявляющих в ходе контакта.

Оценивающая характеристика обстановки начинает себя обнаруживать далее. В той же сцене вновь появляется комната, с тем, что в ней: «Я пригласил его сесть. Он не спеша сел и с большим интересом стал оглядывать мою *комнату*,

обстановка которой, очевидно, казалась ему любопытной. Особенно привлекли его внимание две *полки с книгами*, с которых он не спускал недоумевающего взгляда». Комната на сей раз становится объектом изучающего рассмотрения и интереса (перспективно-аттенциональная функция), равно как и полки с книгами, вызвавшие недоумение (хезитатив).

Обстановка и ее изучение, в контексте коммуникативного взаимодействия, важны не сами по себе, а как то, что даст основание пришедшему получить представление о собеседнике, которое позволит ввести разговор в допустимое русло. Делается вывод о том, что хозяин комнаты — человек читающий, но, как следует далее, не то, что делает еврея евреем, а русские, хотя и философские, пусть и духовные, книги, в то время как это «*путь кривой... ложный*». Из чего следует 1) то, что нашло свое подтверждение: плохой еврей не еврей, в связи с чем 2) разговор и общение с ним должны иметь свои границы, не развиваясь и не углубляясь, 3) а границами этими, для ожидаемого разговора, будет лишь то, что пришедшего интересует, вне еврейской жизни, еврейских знаний и еврейской среды, и в чем хозяин, читающий русские философские книги и ежедневно газету, лучше пришедшего разбирается и может поэтому просветить. Речь о политике, которой, по его словам в начале рассказа, «Кто теперь не интересуется политикой? В обыкновенное время, я понимаю, политика не стоит понюшки табаку, но теперь... Б-же мой! Теперь, кажется, и рыба в воде интересуется политикой». А коли и рыба в воде, то отчего ж не еврейю?

Отношение к собеседнику у гостя не то, чтобы утилитарное, но строго отмеченное и ограниченное, не выходящее за пределы не сугубо еврейского интереса, но не общего, а такого, при котором сведения, полученные от потерявшего еврейский облик учителя русского языка, дадут возможность принять, увидев, но не происходящее в мире и в данной стране, а как в самом конце окажется, укрытое Б-жье предопределение. Принять и увидеть, но не понять, поскольку «сокрыты пути Господни», а потому «— Кто может знать!.. Ведь возможно и то, что если «Ишмоэл»⁵ упадет, а «Эйсев»⁶ поднимется — тогда именно и придет спасение Израилу, и придет Мессия...».

⁵ Ишмаэль (*Исмаил*) — сын праотца Авраама от Агарь, служанки праматери Сары. Считается прародителем арабских народов. Согласно Торе, Ишмаэль был «диким человеком» («*тэръ адам*»), жившим в пустыне, занимавшимся охотой и грабежом, но, в конце концов, раскаялся и умер как праведник. (<https://toldot.com/history/Ishmael.html> [дата обращения: 16.04.2026]).

⁶ Эсав, он же Эдом — сын праотца Ицхака и его жены Ривки, старший брат-близнец Якова. Известен своим аморальным поведением, в противоположность его брату Якову, который во всем следовал моральным принципам отца и деда, великого Авраама. Под именем Эдом вошли в историю

Внимания заслуживают еще три, а точнее, четыре объекта в той же сцене — стакан чаю, встречавшиеся ранее стол и газета, а затем тот же чай и к нему кусок сахара. Стакан чаю был гостю предложен, хотя об этом в тексте не говорится, — была бы это, подобно также предложенной в предыдущем разделе (I) газете, беневолентно-пропозитивная функция, смысл которой сводится к проявлению в предлагаемом объекте позитивного отношения к собеседнику, выражению своего благорасположения к нему. Появляется стакан чаю в таком контексте: «Он замолчал и с минуту сидел неподвижно, устремив задумчивый внимательный взгляд на стоявший перед ним *стакан чаю*, которого он, по-видимому, совершенно не замечал». И тут же следом: «— Видите ли, — заговорил он опять, отодвинув почему-то *стакан*, как бы очищая себе место. — Мне хотелось бы поговорить с вами о войне, но поговорить как следует...». И непосредственно после этого стол: «Он как-то плотнее уселся, облокотился обеими руками *на стол* и продолжал уже медленнее и спокойнее...».

Стакан чаю для гостя, как проявление благорасположения со стороны хозяина комнаты, не существенен. С одной стороны, он устремляет задумчивый и внимательный взгляд на него (добавим, как на пустое место), а с другой, не замечает и отодвигает его. Помимо того, что подобным образом характеризуется персонаж, как занятый своими мыслями и не придающий значения условностям, не заботясь о том, как реагирует и что может подумать о нем собеседник, — в отношении происходящего между субъектами взаимодействия, ибо в этом наш интерес, данный объект фигурирует как нечто лишнее, препятствующее коммуникативной задаче пришедшего, которая состоит в выяснении того, что его беспокоит. Для этого он ощущает необходимость большей пространственно реализуемой свободы, очищает место, отодвигая стакан, — и не опосредованного какими-либо предметами, но не приближения к собеседнику, а, пусть и дистантной, несколько удаленной, но не заслоняемой связи с ним. Контакт должен быть непосредственным, поскольку то, о чем будет речь, для него самое главное и ради этого он пришел, к этому будет сводиться ведущий вопрос, формулируясь следующим образом: «— Каждая вещь в мире имеет свою главную суть, свою

потомки Эсава, народ эдомитян (идумеев), жившие в области, называемой Идумея (предположительно, на юге, юго-востоке от Земли Израиля). Тора (Берешит 25:27) называет Эсава «искусным в ловле», «человеком поля», в противоположность Якову, человеку кроткому, прямому и «сидящему в шатрах». (<https://toldot.com/history/Esav.html> [дата обращения: 16.04.2026].

высшую точку... Так вот, скажите вы мне... где она, эта точка?.. «Точка» — что значит в настоящей войне? Она значит: причина, почему война ведется. А почему она ведется?».

Стакан чаю, таким образом, следует определить как отделяющее, заслоняющее опосредование непосредственному контакту, — директивно-сепаративное проявление. Стол, в свою очередь, на который он «облокотился обеими руками», в контексте определяемого взаимодействия играет роль способствования ощущению все той же большей свободы, в отношении которого стакан был препятствием, и, поскольку одновременно с этим «как-то плотнее уселся», то занимаемой позиции чувствующего себя уверенно и решительно в том, что намерен сказать и к чему устремлен в своем интересе. Определим это, обобщая, как позиционную функцию, реализующуюся для данного случая в либеративно-аффирмативном значении. Представляет это иную роль у стола по сравнению с теми, которые были показаны ранее.

Газета, проявляя все ту же для нее характерную сциенциальную функцию содержащихся сведений, уточняет ее в значении направляющего определения (ориентирующе-дистинктивная роль), что следует из таких слов персонажа: «Возьмите *«лист»*, какой угодно *«лист»* берите и читайте. Что вы там прочтете! Вы там прочтете одно слово: *«славяне»*. *«Русс»* ведет войну, чтобы освободить своих братьев славян». Не без значения в данном случае указание *на какой угодно* (*«лист»*) — ориентирующе-дистинктивная роль приобретает генералитивный характер.

После объяснений хозяина в отношении истории русско-турецких войн, их причин и теперешней политики в данном вопросе, «с самого начала», «он несколько минут сидел молча, задумавшись», после чего, сказав «— Должен вам признаться — глаза вы мне открыли! [...] У меня уже теперь являются новые, со-овершенно новые мысли, соображения», — «Он как-то сразу успокоился, взял кусок сахара, обмакнул его в чай, прочел молитву, откусил сахару и принялся пить свой холодный чай. Допив его, он опять облокотился и заговорил несколько нерешительно...».

Вновь появляется чай с куском сахару, который взял, обмакнул, затем откусил, чай при этом пьется холодный, а говорить начинает, только его допив. Кусок сахару фигурирует в качестве сопровождения к чаю, несамостоятельно, представляя совместно с ним единое целое, однако не это предмет интереса. Важными видятся два обстоятельства: то, когда пьется чай (после полученного обстоятельного ответа на заданный

перед этим вопрос, не раньше), отмечая при этом, что *успокоился*, и отсюда *холодный чай*, поскольку время прошло, и то, что заговорил, *допив*, не во время питья и по завершении данного действия. То, что *прочел молитву* перед тем как приняться за чай, характеризует его как соблюдающего заповеди еврея, влияя на коммуникативное взаимодействие в том отношении, что заповедь исполняется непременно и вне зависимости от обстоятельств (его собеседник чего-то подобного не придерживается).

При чае с сахаром, следовательно, можно увидеть три ролевых проявления: 1) отмечающее промежуточное, но при этом важное, достижение коммуникативного результата (специально-финитная функция), 2) отмечающее реализацию требуемых поведенческих проявлений вне зависимости от коммуникативных условий (регулятивно-кондициональная функция), 3) отмечающее необходимость не прерываемого разговорами потребления напитков и пищи (сегрегативно-коллоквиальная функция). Функции эти, имеющие коммуникативный смысл, не следует относить непосредственно к описываемому рассказчиком взаимодействию, они являются общими, выступая в повествовании средством характеристики персонажа.

В следующем разделе (III) появляется еще одно представляемое в коммуникативном контексте лицо, а с ним чай и комната: «На следующий день, утром, когда я сидел за *чаем*, ко мне в *комнату* вошел мой квартирный хозяин, высокий худой сгорбленный старик лет семидесяти». То, что сидел за чаем, само по себе, контактного смысла не предполагает, отмечая временной период ежедневных занятий повествователя, однако в рассказе это получает интересующую нас предметную роль, поскольку появление старика к чаю отнюдь не случайно. Связано данное обстоятельство с тем, что супруга его, от которой он в полной зависимости (домашнее хозяйство и все финансы на ней), «Уходя в лавку раньше, чем старик возвращался из синагоги [...] часто забывала оставлять ему сахару к чаю». Отсюда его посещения. Вместе с тем, приходя с этой целью, «он считал более приличным делать вид, что он случайно зашел».

Тем самым, его отношение к повествователю, коммуникативному взаимодействию с ним, реализующемуся в стакане с чаем, приобретает не объявляемый интенциональный характер. Проявляется это в замещающем обращении с переключением интереса: «– Куда это могла деться *кружка*? – забормотал он про себя, обводя *комнату* озабоченным взглядом, и остановился

глазами на *самоваре*». Кружка была на своем месте, но дело не в ней. Зная подобный способ наводящего поведения, хозяин комнаты, чтобы не тратить время, предлагает выпить с ним *стакан чаю*, отчего тот отказывается. «Это входило в программу, и мне предстояло начать упрашивать старика».

Остановимся в этом месте, с тем чтобы определить коммуникативно ориентированные роли объектов. То, что *сидел за чаем* (чай находится в соответствующей посуде, и это объект), будет иметь, применительно к происходящему, предвещающий межсубъектное взаимодействие смысл (прекурсивно-мотивирующая функция). То, что старик вошел в комнату, определяет ее в отношении уже встречавшегося ранее открывающего контакт инвентивно-контактного интроитива. *Стакан чаю* фигурирует множественно. Во-первых, как то, за чем вошедший пришел, но о чем не заявляет, что определяется для данного положения его индирективно-интенциональной функцией. Во-вторых, как то, что ему предлагают, — уже встречавшаяся ранее при газете и том же чае benevolentно-пропозитивная функция. В-третьих, как то, от чего отказываются, делая вид, что пришел бескорыстно, — отводящая от цели прихода депозитивно-мутативная интенциональная роль. В-четвертых, как то, что предполагает настаивающее упрашивание (инсистивная персвазивность).

Отказавшись на сей раз от обычного уговаривания, рассказчик «избрал более радикальный путь: «— Вас, реб Бер, никогда не допросишься выпить чаю! — заговорил я обиженно. — Точно у меня чай «трефной». Да ведь он в вашей же посуде!.. Право, реб Бер, вы можете иногда ни за что ни про что обидеть человека!.. — Что вы говорите! Б-г с вами! — воскликнул старик почти в ужасе. — «Трэйф»?! Кто говорит: «трэйф»?! Что вы-вы можете сказать! Я просто не хотел чаю!.. Но!.. Но если вам так уж хочется — налейте! Налейте, я выпью! Но что вам может впасть в голову: «трэйф»?!.. Все обошлось благополучно, и старик уселся за чаем».

Чай фигурирует в описанном случае, с точки зрения субъектного взаимодействия, через обыгрываемое представление его не подходящим к потреблению кошерным евреем, тем, что 1) при отказе должно обижать предложившего (субститутивно-виолативная функция), а это, в свою очередь, 2) пугает, вызывая замешательство у старика, который никак не хотел отказом его задеть (пертурбативно-пертерритивное проявление). В результате 3) чай принимается (облативная акцептация) и 4) отношения успокаиваются (релятивный транквиллитив).

Внимание следует обратить на то, что объекты, используемые в тех или иных целях и проявлениях собеседниками, не всегда становятся тем, что позволяет данные цели реализовать. Их роль может быть знаковой (сигнификативной), сопутствующей (комитативной), участвующего присутствия, своего рода свидетельствующей (партиципирующей), облекающей (индументной), т.е. такой, которая оформляет не прямо имеющее к ним отношение содержание, исходящее от субъекта. То, что нашло свое выражение в (1), было бы знаковым проявлением в отношении «некошерного» чая хозяина комнаты (сигнификатив). То, что в (2), — облекающим, дающим возможность, представив, понять (индументность). То, что в (3), было бы партиципацией и в (4) — комитативом. Стоит добавить, что границы ролей при их уточняющем различении относительно, возможны при этом как совмещения, так и разные интерпретации отражаемых положений. Свидетельствует это о неоднозначности и подвижности того, что имеет место в ходе межсубъектного взаимодействия.

Стакан чаю появится в той же сцене между хозяином комнаты и пришедшим к нему стариком еще не раз, вернемся, однако, к оставленным кружке, комнате (в другом ее проявлении) и самовару. Кружка, с одной стороны, содержит ассоциативный намек на действительный интерес (выпить чаю), а с другой, замещающим образом объясняет повод прихода. Было бы это сигнификативом суггестивно-интенциональной (намек) и субститутивно-мотивационной функции (по отношению к интроитиву контакта). Комнату, в поисках кружки, старик обводит озабоченным взглядом, останавливаясь на самоваре, — комитатив субститутивно-мотивационной функции в отношении комнаты и индументив суггестивной интенциональности в отношении самовара (функции, подобные кружке, но, в отличие от нее, не являются знаковыми). Из чего получается, что функционально кружка, комната и самовар выступают в единстве, взаимодействуя между собой как проявления знаковости (кружка), сопутствования знаковости (комната) и облекающего оформления знаковости (самовар) мотива прихода.

Усадивши гостя за чаем, хозяин комнаты задает вопрос по поводу бывшего у него перед тем меламеда из хедера. И тут только читатель узнает его имя и прозвище: «— Кто? Мендл Терк?.. — спросил он со старческой торопливостью, оторвавшись от *блюдечка* и устремляя на меня удивленный взгляд». Появляется *блюдечко*, из которого, наливая, чтобы не был горячим, пили в прежнее время чай в купеческой и городской

мещанской среде. Однако, возможно, что это не характеристика персонажа. Для нашей задачи важно, что означает блюдечка с чаем в контексте происходящего разговора. Отмечает оно, как следует из контекста, прерываемое удивлением чаепитие старика. Было бы это тогда, в отношении блюдечка, оформляющим идументивом интеррогативного суспектива (удивления вопросом), выражая одновременно с этим приостановку и переключение внимания с питья чая на неожиданное высказывание собеседника — интерруптивно-коммутативное проявление интерактивно-партиципирующей функции, отмечающей взаимодействующее участие, предполагающее также и невербальный контакт. Питье чая, тем более по приглашению, как такое взаимодействующее участие, необходимо отметить, а контакт себя выражает не только в обмене репликами, не только в предметах-участниках, но и в совместно производимых занятиях.

Далее следует представление Мендла как набожного молодого человека, ученого и эрудита, объясняя то, почему он Терк и что это не фамилия: «В *синагоге* его прозвали «турком» ... — «Почему прозвали его турком»? Вопрос! Прозвали, ну!.. Вы ведь знаете, что теперь война. Вы ведь «*лист*» читаете. Ну, когда Мендл стоит за Терка, его и прозвали «терком». Если б он стоял за «Русса» — его бы прозвали «руссом».

Опустим сопровождающие объяснения, обратив внимание на объекты. Появляется синагога — место, где происходят контакты не столько диалогического, сколько полифонического характера, где складываются и находят свое выражение какое-то общее либо различные, часто противопоставляемые и конфликтные, мнения (в рассказе это находит свое отражение) и где Мендла прозвали «турком». Из чего будет следовать для подобного положения локативное проявление конъюнктивно-когноминативной (совместно дающей прозвища), далеко не единственной, функции синагоги. Вновь появилась газета («Вы ведь «лист» читаете»), как источник знания, — та же сциенциальная функция, усложняемая при объяснении говорящим утверждением, в подтверждение своих слов, — дестинативно-конфирмативное усиление.

Объяснив ситуацию с Турком, «Старик почему-то взглянул на меня с видом победителя и принялся за свой *чай*. Когда я налил ему *второй стакан*, он слегка отстранил его рукой и заговорил спокойно...». Первый чай, недопитый, за который принялся (возвращение к прерванному занятию, отмечающее удовлетворение тем, что сказал, — оформляющий

идументив сатисфактно-респондитивной функции), и второй стакан чая, отстраняемый, с тем чтобы возобновить разговор, воспринимаемый как мешающий его продолжению, — импедитивно-коллоквиальное проявление интерактивно-континуативной функции. Далее следует объяснение происходящего — в городе («весь город ходуном ходит») и в синагоге, где все только и говорят, «Не говорят, а дерутся, воют. И о чем только? О политике!». И город, и синагога в том же ряду предстают локативом происходящих непримиримых споров, — обстинатно-контroversное проявление социо-итеракциональной, обеспечивающей общественное взаимодействие, функции.

После обмена репликами по поводу политических обстоятельств («Я его не останавливал»), «он успокоился и принялся за свой чай». Вновь появляется чай в той же сатисфактно-респондитивной функции, отмечающей удовлетворяющее завершение очередного этапа беседы. Схема с чаем и блюдечком себя повторяет. В ответ на сообщение о том, что «ваш «Терк» был у меня вчера», «Старик поставил на стол недопитое блюдечко. — У вас?.. — произнес он с удивлением» (интерруптивно-коммутативное проявление интерактивно-партиципирующей функции). Недоумение переходит в уверенность: «— Знаете, что я вам скажу? Это он приходил не к вам, а к «*листу*», что вы читаете!». И снова газета, как объект интереса и скрытый действительный повод прихода (аттенционально-контентная функция и диссимилиятивно-интенциональное проявление интроитива контакта). В устах старика газета становится осеменяющим объяснением поведения третьего, не присутствующего в разговоре, лица, экспликативом его субъектного моратива, действуя в подтверждение истинности своих слов (конфирмативно-персвазивная роль). «Видите! — воскликнул он с торжеством. — Зачем Мендл придет к вам? Узнать, что в «*листе*»...» (когнитивно-сциенциальная функция).

Старик, продолжая свою характеристику Мендла, дает представление о произошедшем в нем изменении: «—...мне кажется, что с тех пор, как он начал «кипятиться в политике», он перестал по ночам так усердно заниматься *Талмудом*, как раньше. Ведь бывало — по целым ночам простаивал он в *синагоге* и звенел, как колокол, любо было слушать. А теперь — слушайте меня! — теперь он меньше, и го-ораздо меньше, сидит за *Талмудом*!». После подобного заявления, «он глубоко вздохнул и принялся за *третий стакан чаю*. Кончив его, он поднялся. — Ну, большое вам спасибо за *чай*!..».

Талмуд, синагога и очередной стакан чаю. Первые два объекта, характеризую занятия Мендла, по словам старика, в аспекте происходящего разговора, получают функцию удостоверяющего утверждения того, что он хочет сказать. С одной стороны, Талмуд выступает объектом усердных занятий героя, подчеркивая, тем самым, его поглощенность, преданность делу, набожность и ученость, а синагога — местом, где все это находит свое выражение применительно к слушающим. С другой, то же самое, вписываясь в контекст обращенного к собеседнику сообщения, получает, через характеризующее представление того, о ком говорится, собственно коммуникативную функцию, цель которой состоит в подтверждаемом убеждении собеседника в отношении истинности своих слов, оживляя, делая образным также и само представление, — встречавшаяся уже и ранее конформативно-персвазивная роль в соединении с не менее важной, ее окрашивающей и дополняющей, вивификативно-имагинативной, приближающей восприятие, действуя на воображение (аддуктив-перцептивность).

Третий стакан чаю, за который принял после своей тиранды старик, вследствие чего, закончив, поблагодарил, отмечает первоначально то, на что уже обращалось внимание: чай им пьется, не только им, Мендлом также, по завершении какой-то важной части в беседе, не в промежутке и не перед ней, — действие, которое производится, сосредоточиваясь и не отвлекаясь на разговор. С одной стороны, это черта, характеризующая персонажи, а с другой, в контексте общения, предстает как то, что определяется спационально-финитной, завершающей в своем значимом интервале, функцией.

То же, что он говорит спасибо за чай, формально служит этикетным проявлением вежливости, имея вместе с тем дополнительный, чтобы не сказать, что более глубокий, хотя, в конечном итоге, не скрытый смысл, объявляемый в завершающей сцене: «Вдруг по лицу его разлилась широкая улыбка, и он заговорил с чисто детской наивностью, мигая беспомощно глазами: — Хе-хе-хе, скажу вам истинную правду. Я таки очень хотел чаю. Хася ушла и забыла оставить мне *сахару*...». Соотносится это с его отказом от предложения чая хозяином комнаты, предполагающим укрывание действительной причины прихода, о чем говорилось, с тем чтобы в его глазах не выглядеть корыстно-заинтересованным (перевод интереса на кружку), а также служит характеристикой его как человека искреннего, открытого и прямодушного. Стоит за этим, однако, отнюдь не желание так себя представлять, если иметь в виду

межсубъектное взаимодействие, а то, что не удержался он от того, чтобы сделать приятное угостившему его хозяину и собеседнику, признавшись и доверительно высказав действительный повод. В той же доверительно-обезоруживающей роли выступает и сахар, который Хася ему не оставила. Определить это можно, в коммуникативном контексте, как проявление фиделитативно-веритативной функции.

Все дальнейшее, остающееся в рассказе в контексте описанных сцен — в синагоге, с немалым числом говорящих (VI, V), с посещениями Мендла с его исключительным интересом к «листу» (VI), в хедере в ходе его занятий с детьми и происходившими там диалогами между рассказчиком и Мендлом, с одной стороны, и Мендлом и Михоэлом, близким приятелем и одновременно противником в политическом отношении, с другой (VII), — все это и уточняет, и развивает то, на что было обращено внимание в данной статье, однако, в силу ограниченности ее объема, не может служить предметом дальнейшего рассмотрения.

В завершение видится небезразличным представить еще одно обобщение, касающееся объектов с учетом их коммуникативных ролей, опосредованного участия в основном, тем самым, также и перечислив их как рассмотренные. Выделяемые функции, их проявления и, при уточнении, также значения (функций и проявлений, которых много, но которых по-настоящему больше), отображая сложный и далеко не всегда однозначный характер межсубъектного взаимодействия, коммуникативного прежде всего, можно свести, обобщая, к четырем определяющим положениям. Объекты могут служить 1) местом — локативом реализации происходящих либо предполагаемых коммуникативных контактов (двор, окно, стол, двери комнаты, комната, хедер, город, базар, синагога в рассказе), 2) средством — медиативом реализации какой-либо коммуникативной функции либо цели (та же комната, полки с книгами, газета, телеграмма, кружка, самовар, стакан чаю, сахар), 3) тем, что представляет, характеризует героя, но в контексте общения, — репрезентативом его (ермолка, картуз, сюртук, книги, тот же стакан чаю, кусок сахара, блюдечко; Талмуд, синагога в аспекте занятий Мендла), 4) тем, что сопутствует, сопровождает — комитативом происходящего (стакан чаю, газета, книги как не прямой предмет обсуждения). Объекты, будучи социально, культурно, а также и материально, ориентированы в каком-либо отношении, имея форму, величину, объем, используя для реализации не только коммуникативных

задач, обладают способностью выступать, с учетом контекста, в различных функциях, чего ярким примером в рассказе могут служить газета, комната, стол, книги, стакан чаю, синагога.

Библиография

- Аграновская М., Семен Акимович Ан-ский: жизнь меж двух миров, https://www.maranat.de/agr_06_den_05.html [дата обращения: 12.04.2025].
- Александрова Т.Л., *Моделирование как метод исследования коммуникативной деятельности человека*, Электронная библиотека БГУ, <https://elib.bsu.by> [дата обращения: 12.04.2025].
- Ан-ский С.А., *Рассказы*, т. I, Типография Н.Н. Клобукова, С.-Петербург 1905, http://az.lib.ru/a/anskij_s_a/text_1892_mendel_turok-oldorfo.shtml [дата обращения: 26.03.2025].
- Болотова А.К., Жуков Ю.М., Петровская Л.А., *Социальные коммуникации: Учебное пособие*, Гардарики, Москва 2008.
- Бориснёв С.В., *Социология коммуникации: Учебное пособие для вузов*, ЮНИТИ-ДАНА, Москва 2003.
- Бура Л.В., *Психология коммуникативного воздействия и коммуникативного реагирования как составляющих межличностного общения*, «Проблемы современного педагогического образования» 2020, с. 400–402.
- ван Дейк Т.А., Кинч В., *Макростратегии. Язык. Познание. Коммуникация*, пер. с англ., сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова, Прогресс, Москва 1989.
- Василик М.А., *Основы теории коммуникации*, Гардарики, Москва 2003.
- Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д., *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*, пер. с англ. А. Суворовой, Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, Москва 2000.
- Гавра Д.П., *Основы теории коммуникации*, Питер, Санкт-Петербург 2011.
- Головинова К.Г., Артеменкова Л.Ф., *Понятие и сущность коммуникативного взаимодействия в психолого-педагогической литературе*, <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030543> [дата обращения: 12.04.2025].
- Грачев М.Н., *Политическая коммуникация: Теоретические концепции, модели, векторы развития*, Прометей, Москва 2004.
- Гулевич О.А., *Психология коммуникации. Учебное пособие*, НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, Москва 2008.
- Докучаев И.И., *Основы теории коммуникации*, «КНАГУ», Комсомольск-на-Амуре 2013.
- Долженков В.Н., *Характерные черты и особенности интерактивной модели коммуникации*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», Грамота, Тамбов 2018, № 3(81), ч. 2, с. 307–309.
- Дымшиц В.А., *Возвращение блуждающей души*, «Народ Книги в мире книг», октябрь 2013, № 106, http://narodknigi.ru/journals/106/vozvrashchenie_bluzhdayushchey_dushi/ [дата обращения: 12.04.2025].
- Дымшиц В.А., С.А. Ан-ский и В.Я. Пропп, или что «еврейского» в еврейской сказке?, 19 августа 2011 года, <http://judaica.spb.ru> [дата обращения: 12.04.2025].
- Елинсон М.А., Шарипова В.А., Исакова О.С., *Процесс коммуникации в сфере коммуникативного взаимодействия*, «Вестник Башкирского университета» 2018, т. 23, № 3, с. 877–882.
- Заграевская Т.Б., Кусов А.Р., Заграевская С.М., *Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах*, «Казанский лингвистический журнал» 2023, № 6(2), с. 236–245.

- Сергеева И., *Наследие Семена Акимовича Ан-ского в библиотеках, архивах и музеях Украины*, «Музей. Традиции. Этничность» 2013, № 2(4), с. 101–111.
- Каган М.С., *Мир общения. Проблема межсубъектных отношений*, Политиздат, Москва 1988.
- Канцедикас А., *Писатель, революционер, этнограф*, «Еврейское слово», № 43(166), 2003.
- Кашкин В.Б., *Введение в теорию коммуникации*, Изд-во ВГТУ, Воронеж 2000.
- Коммуникативные процессы и практики*. Авт.-сост. В.Е. Лапшин, Н.В. Шаманин, Изд-во ВлГУ, Владимир 2023.
- Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А., *Теория коммуникации*, Юрайт, Москва 2016.
- Корнеева А.В., *Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание как механизмы межкультурного взаимодействия*, «Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2017, т. 15, № 4, с. 78–86.
- Красных В.В., *Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций*, Гнозис, Москва 2001.
- Кузнецов В.Ф., *Понятия и модели коммуникаций: теоретический аспект*, «Коммуникология» 2014, с. 39–45.
- Латынов В.В., *Принципы психологического исследования коммуникативного воздействия*, «Вестник университета» 2013, № 10, с. 245–251.
- Локшин А.Е., *Ан-ский Семён Акимович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь*, гл. ред. П.А. Николаев, Советская энциклопедия, Москва 1989, т. 1, А–Г, с. 90–91.
- Лукин В., *От народничества к народу (С.А. Ан-ский – этнограф восточно-европейского еврейства) // Евреи в России. История и культура. Сборник научных трудов*, отв. ред. Д.А. Эльяшевич, Петербургский еврейский университет, Санкт-Петербург 1995, с. 125.
- Назарчук А.В., *Теория коммуникации в современной философии*, Прогресс-Традиция, Москва 2009.
- Нурланбекова Е.К., Сеидомарова С.Н., *Коммуникативный процесс и функции языка*, «Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований» 2015, № 2–2, с. 307–311.
- Олешков М.Ю., *Моделирование коммуникативного процесса*, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил 2006.
- Подладчикова Л.Н., Шапошников Д.Г., *Коммуникативные взаимодействия: аналитический обзор*, «Экспериментальная психология» 2022, т. 15, № 1, с. 177–186.
- Почепцов Г.Г., *Теория и практика коммуникации*, Рефл-бук-Ваклер, Москва 2001.
- Сафран Г., *Неприкаянная душа. Семен Ан-ский: русский революционер, еврейский этнограф, автор «Дибук»*, пер. с англ. А. Глебовской, Симпозиум, Санкт-Петербург 2020.
- Сергеева И., *Хождение в еврейский народ: Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах*, «Ab Imperio» 2003, № 4, с. 395–428.
- Сергеева И., *Наследие Семена Акимовича Ан-ского в библиотеках, архивах и музеях Украины*, «Музей. Традиции. Этничность» 2013, № 2(4), с. 101–111.
- Сергеева И., *Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах*, «Східний світ» 2003, № 3.
- Сергеева И., *Семен Ан-ский: исследование жизни и творчества*, Интернет-журнал «Клезмер виг / Клезмерская колыбель», Архивировано 1 сентября 2011 года.

- Сергеева И.А., *Архивное наследие Семена Ан-ского в фондах Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского*, Дух і літера, Київ 2006.
- Сергеева И.А., *Документальное наследие Семена Ан-ского в архивах и библиотеках России: историко-архивоведческий обзор*, «Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития» 2013, вып. 11, с. 263–282.
- Сидоров Е.В., *Речевая коммуникация: фундаментальные необходимости*, Изд-во РГСУ, Москва 2009.
- Сидоров Е.В., *Социальная коммуникация*, Изд-во РГСУ, Москва 2011.
- Стернин И.А., *Модели описания коммуникативного поведения*, «Гарант», Воронеж 2000.
- Терин В.П., *Массовая коммуникация (исследование опыта Запада)*, Изд-во Института социологии РАН, Москва 1999.
- Тупицына И.Н., *Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение*, Изд-во РГСУ, Москва 2007.
- Тухватулина Л.Р., *Принципы классификации моделей коммуникации*, «Вестник ТГПУ» 2006, вып. 7 (58), Серия: Гуманитарные науки, с. 49–53.
- Формановская Н.И., *Речевое общение и коммуникативное взаимодействие*, «Русская речь» 2014, № 4, с. 55–58.
- Хоманс Дж., *Социальное поведение как обмен* // Дж. Хоманс, *Современная зарубежная социальная психология*, Изд-во Московского университета, Москва 1984, с. 82–91.
- Цинберг С., *Ан-скій (Раппопортъ, Семень Акимовичъ)* // *Еврейская Энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ*, подъ общей редакціей д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга, т. второй, Алмогады — Арабскій языкъ, Изд. Общества для Научныхъ Еврейскихъ Изданій и Издательства Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ 1908, стлб. 617– 618.
- Шалина И.В., *Современная коммуникативистика. Практикум*, Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург 2016.
- Шарков Ф.И., *Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник*, «Дашков и К°», Москва 2010.
- Шарков Ф.И., *Коммуникология: основы теории коммуникации*, «Дашков и К°», Москва 2012.
- Шуклина Б.А., *Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики*, «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» 2016, с. 7– 24.
- Шунейко А.А., Авдеенко И.А., *Механизмы коммуникативного воздействия*, «КНАГТУ», Комсомольск-на-Амуре 2008.
- Яковлев И.П., *Ключи к общению. Основы теории коммуникаций*, «Авалон», «Азбука-классика», Санкт-Петербург 2006.
- Якупов П.В., *Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры*, «Вестник университета» 2016, т. 1, № 10, с. 261– 266.
- Dance F.E.X., *The "Concept" of Communication*, «Journal of Communication» 1970, vol. 20, № 2, pp. 201–248.
- Safran G., Zipperstein S.J., *The Worlds of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century*, Stanford University Press, Stanford 2006.
- Sillars A.L., Vangelisti A.L., *Communication: Basic properties and their relevance to relationship research*, in: *The Cambridge Handbook of Personal Relationships*, eds. A. L. Vangelisti, D. Perlman, Cambridge University Press, New York 2006, pp. 331–351.
- Wood J.T., *Interpersonal Communication: Everyday Encounters*, Cengage Learning, 2016.
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Ан-ский,_Семён_Акимович [12.04.2025].
- <https://www.lechaim.ru/ARHIV/136/turok.htm> [дата обращения: 26.03.2025].